

СЕРИЯ КНИГ “ЧИТАЙ И СМОТРИ”

Николай Черкашин

ГЕРОИ К-19

«ХИРОСИМА» В АРКТИЧЕСКИХ ЛЬДАХ...

*О, море, древний душегубец!
Александр Пушкин*

*Пущен корабль на воду - сдан Богу на руки.
Русская пословица*

Дорогой читатель!

В твоих руках еще одна книга о нелегкой и опасной профессии моряка-подводника, о суровых испытаниях, часто выпадающих на его долю.

На этот раз ты узнаешь о великом подвиге, беспримерном мужестве и героизме моряков советской атомной подводной лодки К-19. О том, как они ценой небывалого самопожертвования, ценой своих жизней спасли нашу планету от ядерного Армагеддона.

– ...Все должны знать: Россия своих героев не забывает, – отметил Президент РФ Владимир Путин во время недавней экспедиции к острову Гогланд на Балтике, в ходе которой он совершил погружение на батискафе к погибшей во время Великой Отечественной войны подлодке Ш-308 «Семга», – Не забывает тех, кто отдал жизнь за свободу и безопасность нашего Отечества, собственно говоря, за нас с вами.

Надеемся, книга эта еще раз убедит тебя в непреложной истине евангельской заповеди, что нет подвига выше и нет любви большей, если кто положит душу свою за други своя.

Читай, осмысливай, действуй.

Dear reader!

The book you hold in your hands is one more book about the difficult and dangerous profession of a seaman-submariner, about the harsh trials that often fall to his lot.

This time you will learn about the great feat, unparalleled courage and heroism of the Soviet nuclear submarine K-19 sailors. You'll learn how at the cost of unprecedented self-sacrifice, at the cost of their lives saved they our planet from nuclear Armageddon.

– ...Everyone should know: Russia does not forget its heroes, – said Russian President Vladimir Putin during a recent expedition to the Gogland island in the Baltic sea, during which he made a dive on the bathyscaphe to Shch-308 «Salmon» submarine lost during the Great Patriotic war. – Russia does not forget those who gave their lives for the freedom and security of our Fatherland, in fact, for us.

We hope that this book will once again convince you of the immutable truth of the gospel commandment that there is no greater feat and no greater love if someone puts his soul for his friend.

Read, comprehend, act.

...Когда ее спускали на воду, у нее был только тактический номер - К-19.

Свое зловещее имя она получила в океане – «Хиросима»...

Впрочем, это не имя, а прозвище. «Хиросимой» ее зовут меж собой подводники атомного флота. Горький юмор... Почему «Хиросима»? Не потому ли, что в своих ракетных боеголовках она несла десятки «хиросим» – десятки условных городов, обреченных на ядерное испепеление?

Не потому ли, что сама однажды едва не превратилась в ядерный гриб, когда из аварийного реактора чуть не потек расплавленный уран?

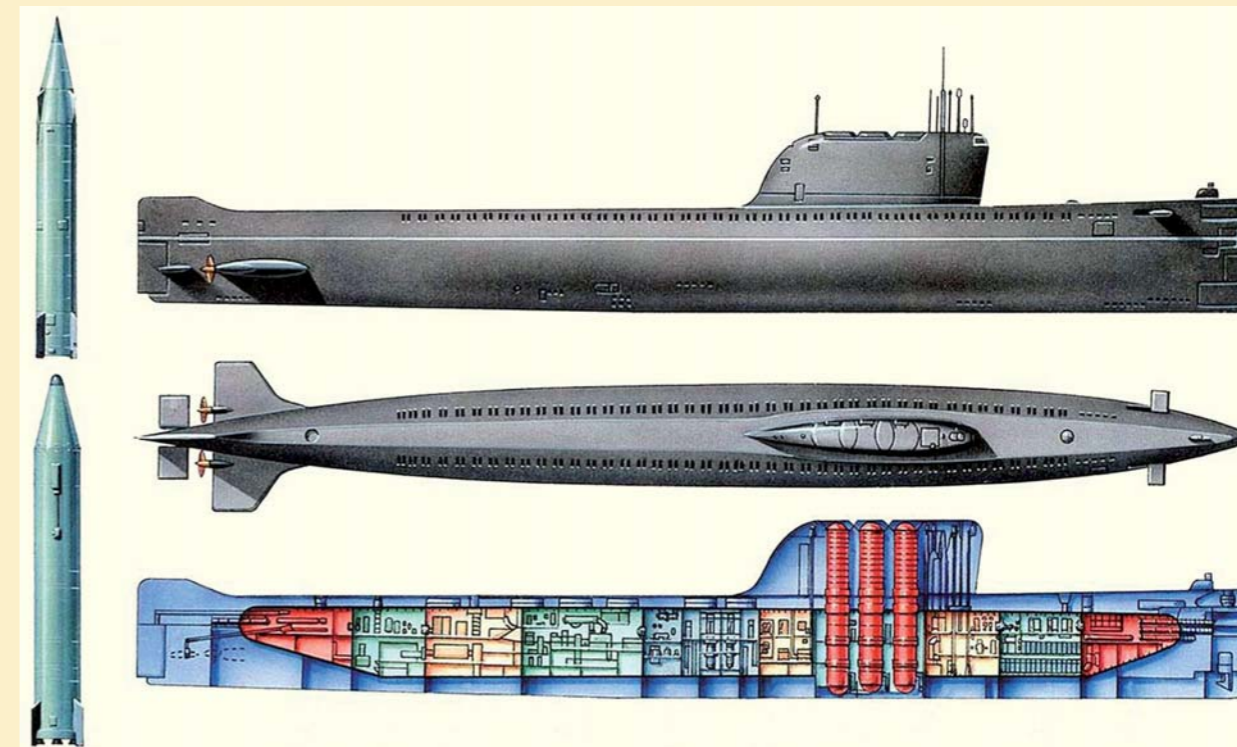
Не потому ли, что в девятом отсеке забушевала вдруг гигантская «паяльная лампа», в бешеном пламени которой сгорели и задохнулись десятки моряков?

Она была первой советской ракетноносной атомной подводной лодкой. У ее колыбели стояли маститые академики – Александров и Королев, Ковалев и Спаский.

Ее величали первенцем советского стратегического атомного флота, потому что именно она несла в своем чреве три межконтинентальные баллистические ракеты.

Первенец уже в колыбели потребовал человеческих жертв: в феврале 1959 года ночью при оклейке десятого отсека пробковой крошкой произошел взрывообразный пожар, в пламени которого погибли двое рабочих.

Атомная ракетная подводная лодка проекта 658: водоизмещение надводное - 4080 т, подводное - 5375 т; скорость надводная - 15 узлов, подводная - 25,9 узла; вооружение: комплекс Д-2 с тремя ракетами Р-13, 4 носовых аппарата калибром 533 мм, 2 носовых и 2 кормовых аппарата калибром 400 мм; глубина погружения 300 м, дальность плавания - 31000 миль, автономность - 50 суток, длина 114 м, ширина - 9,2 м, осадка - 7,3 м, экипаж 104 человека.

Командир К-19
Николай Владимирович Затеев

Подобно тому, как в древней Ассирии путь кораблю к воде поливали жертвенной кровью рабов, слиповые дорожки К-19 также были обогреты человеческой кровью. Вслед за первыми двумя жертвами атомный молох пожрал жизни шестерых женщин: они оклеивали резиной цистерны атомарины и задохнулись в ядовитых парах.

В декабре 1960-го крышкой ракетной шахты задавило электрика. Затем разбился молодой инженер, свалившись в прорезь между смежными отсеками...

Но главные жертвоприношения были впереди... Те, кто выжил, закоснелые советские атеисты, сегодня вполголоса говорят о чьем-то заклятии, висевшем над кораблем, и вспоминают, что неспроста не разбилась при спуске традиционная бутылка шампанского. Пущенная вопреки ритуалу неженской рукой (рукой инженер-механика Панова), она скользнула по бронзовым лопастям гребного винта и целехонькой отскочила от обрешиненного борта. Дурная примета!

Каких духов – земных, морских, небесных – разгневали они? Первая кара обрушилась на них 4 июля 1961 года. К-19 шла Датским проливом. У них была странная задача: уйти под ледяной панцирь и там, развернув ракеты в сторону СССР, изображать вражеский атомоход. Завеса дизельных подводных лодок должна была сорвать ракетно-ядерный удар, условный разумеется, по территории страны.

Капитан-лейтенант В. Погорелов, бывший командир электротехнического дивизиона: «Я слушал «Лунную сонату» в рубке гидроакустиков. Играла моя жена. Магнитофонную пленку с записью своей игры она прислала из Киева перед походом. Вы улыбнетесь, но сейчас мне все чаще и чаще приходит в голову такая мысль: Киев, «Лунная соната», авария реактора, что-то вроде генеральной репетиции той ядерной катастрофы в Чернобыле, которая продолжается и поныне... Может, все дело в «Лунной сонате»? Для меня все это сплелось в какой-то дьявольский узел... Но представьте себе: на стометровой глубине, над трехкилометровой бездной несется в кромешной ночи подводный ракетодом. Огибаем айсберги. Конец затянувшегося похода. Нервы на пределе, и тут – нежные бетховенские звуки, да еще из-под пальцев любимой женщины...

Я стою свою «механическую» вахту с четырех утра. Самое противное время: клонит в сон – хоть умри. И командир разрешал нам маленькие вольности: зарядиться музыкой у радистов. Те поддавливали на сеансах связи блюзы и танго из американских ночных дансингов. Благо они были неподалеку.

В 4-07– тревожный доклад с пульта управления атомными реакторами: «Падает давление в первом контуре кормового реактора... Подхвачена компенсирующая решетка... Запущен водяной циркуляционный насос».

С этого и начался наш подводный атомный ад...»

Что же все-таки произошло?

Капитан 1 ранга Н. Затеев: «В том, что произошло, вины экипажа не было... Помните, как в старой притче про гвоздь: его не вбили в подкову лошади полководца, и та оступилась в решающий момент. «Враг вступает в город, пленных не щадя, оттого что в кузнице не было гвоздя...»

Вот так и у нас... Только вместо гвоздя был термический коврик, которым некий рабочий не накрыл при сварке нижепроходящий трубопровод; на него капал

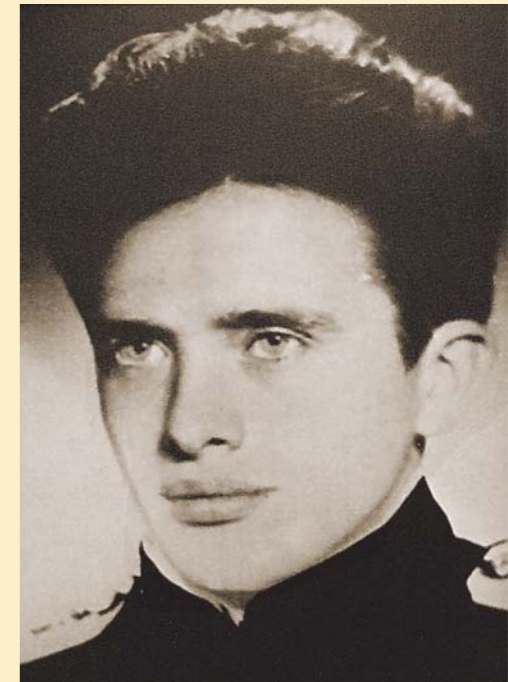
расплавленный металл, из-за термического перенапряжения возникли микротрещинки. Все остальное было уже делом времени... Короче, из первого контура кормового реактора ушла охлаждающая вода, как уходит она из дырки в электрочайнике. Что станет с электрочайником? Расплатится, потечет, сгорит... Примерно то же ожидало и нас, с той лишь разницей, что плавиться должны были не оболочки электроспирали, а урановые ТВЭЛы – тепловыделяющие элементы. Расплавленный уран скапливается в сферическом поддоне, и, как только масса его достигает килограмма, по всем законам ядерной физики – атомный взрыв. И где – рядом с американской военно-морской базой на острове Ян-Майен. А в мире и без того напряженно – Карибский кризис зреет. Тут только начни – и пойдет полахать...

Что делать? Собрал в кают-компании командиров боевых частей и инженеров. Эдакий совет в Филях под Ян-Майеном...»

В. Погорелов: «Стояло раннее утро. И люди всех континентов, начиная новый день, конечно, не подозревали, что их судьба, как и судьба планеты, решается сейчас не в ООН, не в Вашингтоне и не в Москве – во втором отсеке подводного ракетносца. Да, да, точь-в-точь, как в мрачном полубредовом боевике. Спасение было не в казуистике международного права, а в решении замысловатой технической задачи: как не допустить расплавления урановых стержней, как охладить взбесившийся реактор? Инструкция предлагала отвести тепло, выделяемое ТВЭЛами, путем проливки или, понятнее будет сказать, прокачкой активной зоны реактора водой. Но как?! Конструкция реактора не имела для этой цели специальной системы. А ведь механики К-19 во время приемки корабля убеждали строителей, что магистраль аварийного расхолаживания реактора совершенно необходима. Но завод спешил с победным рапортом: «Есть первый советский атомный ракетносец!» И в ожидании потока наград не посчитали нужным «усложнять конструкцию и без того сложного агрегата». Эх, до чего ж мы сильны задним умом! И вот теперь эту систему надо было создавать из подручных средств и, самое страшное, монтировать ее в отсеке с тройной смертельной нормой радиации! Без спецкостюмов (их не было у нас), голыми руками, в армейских противогазах, которые защищают от излучения с той же эффективностью, что и пресловутые белые простыни. Но кому-то надо идти умирать... Никто не произносил высоких слов, но в подтексте, в подкорке это все давно было – за нами даже не Москва, за нами шар Земной. Мир до сих пор не знает имен этих парней.

– Лейтенант Борис Корчилов, было ему едва за 20.
Остальным и того меньше – 18, 19:
– главстаршина Рыжиков;
– старшина 1-й статьи Орdochкин;
– старшина 2-й статьи Кашенков;
– матрос Пеньков;
– матрос Савкин;
– матрос Харитонов.

Потом эти имена в таком же порядке лягут на могильные плиты. А пока у них еще есть час, шестьдесят минут отсрочки – пока мы не всплывем, не откроем люк, пока электрики не приготовят сварочный аппарат, а дизелисты – дизель-генератор. У каждого свое дело. Вам выпал жребий согласно корабельному аварийному расписанию. Вы – кормовая аварийная партия. Ваш долг. Ваша присяга. Покурите пока.

Герой и жертва «Хиросимы»
лейтенант Борис Корчилов
перед походом

**«Хиросима»
уходит в океан...**

Всего лишь час, Курите, где хотите, вам сейчас все можно. Это последняя радость жизни, отпущенная вам судьбой. Пусть будет сладок ваш «Беломор».

Команды... Затеев и сейчас, спустя тридцать лет, готов повторить их одна за одной...

– По местам стоять, к всплыванию!

– Акустик, прослушать горизонт!

– Приготовить реакторный отсек к проведению аварийных работ по плану механика!

6-05... Всплыли. Закачались... Но не сильно. Кажется, с погодой повезло. Хоть на этом спасибо...

По отсекам – голос Затеева: «Отдраить верхний рубочный люк! Сигнальщика на мостик!» Все как всегда. Привычный ритуал воссоединения с атмосферой матушки-Земли. На сердце легкая надежда: может, обойдется? Не пожар все-таки, гарью не тянет... Может, и радиация эта – только рассказы? У страха глаза велики...

Ах, какой сладкий воздух льется из шахты рубочных люков! Бросьте папиросы, ребята! Лучше подышите напоследок... Вам осталось полчаса. А может, и нам всем...

Море почти штилевое... Правда, океанская зыбь еще не улеглась, «коломба» наша переваливается с бор та на борт. Хоть и утро, а солнце почти в зените, Арктика, вечный день. Вечный ли?..

Пара чаек пролетела над самой рубкой. Значит, земля неподалеку. По карте до острова Ян-Майен не больше ста миль... Вокруг – насколько хватает оптической силы бинокля – пустая ширь океана. И близка земля, да не наша. А под килем – три километра.

Одна беда не приходит. Радисты не могут связаться с Москвой. Подо льдами раскололи изолятор и залили антенну. Если рванет, даже Главный штаб не узнает, чей ядерный гриб встал над Арктикой. Работают оба дизеля, выдувая выхлопными газами океанскую воду из балластных цистерн. Частично вентилировали отсеки.

Связи нет как нет... Правый дизель-генератор готовят к работе в сварочном режиме. Электрики Стрелец, Калюжный и Токарь тянут от него в реакторный сварочные кабели... Что это? Воздвигают эшафот для аварийной группы?! Или рабочие сцены сооружают подмостки для финального акта трагедии? Или ассистенты хирурга готовят операционный стол?

Связи нет.

Температура в реакторе растет, уровень радиации в отсеках повышается. Час назад на пульте центрального поста дозиметры показали 5 рентген в час, в турбинном отсеке – 20, в шестом, реакторном, – 50.

По кораблю нарастает аэрозольная активность... Это сменились вахты и по отсекам потащили радиоактивную «грязь» на подошвах. Даже если ничего больше не случится, для нас всех это уже «доза на всю жизнь». Но это было час назад, когда температура в каналах реактора еще поддавалась приборному измерению – 600°. Теперь температурные датчики зашкалили. При тысяче двухстах градусах уран потечет в поддон. Сколько там натикало сейчас – 800, 900, 1000?

Командир: «Доложить об уровне радиации в отсеках!»

От доклада стынет кровь в жилах:

– В реакторном – до 100 рентген в час, в седьмом 50. На пульте – 25-30».

Счет их жизней шел на рентгены, часы и градусы... Связи нет и теперь уже не будет. Антенна залита морской водой...

Н. Затеев:

– Я подозревал к себе лейтенанта Корчилова. Красивое, еще юношеское, лицо, голубые глаза. Скольким девушкам кружили голову его пышные кудри? Боже, что с ним теперь станет?

– Борис, ты знаешь, на что идешь?

– Да, товарищ командир.

Я вздохнул:

– Ну, так с Богом!»

И с именем Божьим ушли они в ад!

...Потом, много лет спустя, когда портреты Затеева и Корчилова будут наконец опубликованы в «Правде», кто-то из читателей бросит убийственное: «Смотрю на фото: лейтенант погиб, а капитан жив...» Спустя тридцать лет отставной капитан 1 ранга Затеев придет в православный храм русских моряков – питерский Никольский морской собор – и зажжет на панихиде поминальную свечу по командиру реакторного отсека лейтенанту Корчилову и всей кормовой аварийной партии...

Город Полярный. Вот она, «Хиросима», доживает свой век у заводского причала. Ее последний командир капитан 1 ранга Олег Адамов покажет мне потом тесную выгородку в реакторном отсеке. Именно сюда в шесть часов пятьдесят минут спустилась аварийная группа Бориса Корчилова.

Н. Затеев: «Когда они вошли в отсек – увидели голубое сияние, исходившее от трубопроводов аварийного реактора. Они подумали, что начался пожар. Но это светился от дьявольской радиации ионизированный водород...»

С. Погорелов: «Активность на крышке реактора, где им предстояло работать, уже достигала двухсот пятидесяти рентген в час. Ребята работали по два-три человека в группе, закутавшись в химкомлекты, натянув маски изолирующих противогазов». Но Борис Корчилов, как командир отсека, присутствовал все время. Он не вымерял,

1. Командир отделения электриков старшина 1 статьи Виктор Стрелец. Северный флот. 1962 г.

2. Доктор сельскохозяйственных наук Виктор Дмитриевич Стрелец

Могила инженера-лейтенанта
Бориса Корчилова

достанется ему больше, чем остальным, или меньше. Тогда об этом просто никто не думал. Молили Бога об одном, – лишь бы не рвануло...

Им надо было отвернуть заглушку «воздушника» на компенсирующей решетке и приварить медный трубопровод, который применяют для зарядки торпед воздухом высокого давления. Едва открыли заглушку воздушного спуска, как оттуда вырвалось облако радиоактивного пара. Пар заполнил выгородку и стал разлагаться на водород, который тут же начал возгораться то тут, то там голубыми вспышками. Мы предвидели подобную ситуацию. Шланги и огнетушители были на «товсь». Пожар потушили в считанные минуты. Однако температура в выгородке подскочила до шестидесяти градусов. Пар заволакивал очки масок, матросы их стаскивали. Чем они дышали? Эту дьявольскую смесь уже и воздухом не назовешь – сверхрадиоактивный аэрозоль. Ведь интенсивность радиации на крышке реактора из-за выброса пара повысилась до пятисот рентген!»

Кроме группы Корчилова в этой смертельной парилке – еще два офицера, которые руководят монтажом самодельной системы, – инженер-механик Анатолий Козырев и командир дивизиона движения

Юрий Повстьев. Примерно через полтора часа все было закончено. Охлаждение заработало. Все бросились к прибору АСИГ, показывающему температуру в каналах активной зоны реактора.

Что он покажет?! Надо ждать...

Н. Затеев: «Когда Борис Корчилов вылез из реакторного и стащил маску изолирующего противогаса, на губах его пузырилась желтоватая пена. Его тут же вырвало. Там, на крышке реактора, все они нахватались жестких «гамм» без всякой меры. Мы все понимали – ребята конченные. Их смерть – вопрос нескольких дней... Чем облегчить их последние часы в этом самом лучшем из миров?»

Я отправляю всю девятку в наш лодочный «рай» – первый (торпедный) отсек. Там самый низкий уровень радиации, да и попрохладнее, чем в других отсеках. Прошу лодочного врача майора медслужбы Косача:

– Доктор, сделай все возможное...

И в глазах его читаю безнадежный ответ: «Медицина бессильна...»

В девять двадцать принимаю доклад вахтенного КГДУ:

– Товарищ командир, показания температуры в каналах аварийного реактора вышли на уровень, контролируемый приборами пульта управления.

Чуть отлегло от сердца.

Но только чуть. В центральном посту на пульте управления уровень радиации достиг ста рентген. Чтобы хоть как-то уменьшить нарастание активности, приказываю перевести второй реактор на минимальный режим и двигаться на гребных электродвигателях под дизель-генераторами.

Иду в первый отсек. Там на матрасах ничком лежат Корчилов, Ордочкин, Кашенков, Пеньков, Харитонов, Савкин. Часам к десяти утра самочувствие их резко ухудшилось. Лица распухли, губы вывернуты, глаза налились кровью. Несколько

лучше чувствуют себя Повстьев, Козырев и Рыжиков.

Доктор Косач со своим санитаром трудятся не покладая рук, пытаются хоть чем-то облегчить страдания обреченных. Хотя прекрасно понимают, что, ухаживая за пострадавшими, облучаются и сами.

Позже станет известно: Корчилов получил пять тысяч четыреста бэр и потому сам стал интенсивнейшим источником облучения.

– Сгущенки бы, – скорее разбираю по шевелению вздутых губ, чем слышу Корчилова. Санитар бросается открывать банку сгущенного молока... Командир реакторного отсека был сладкоежкой... Ловлю себя на этом заупокойном «был». Гоню прочь мрачные мысли... Может, обойдется?!

Почему должны гибнуть эти молодые, красивые, самоотверженные парни? Кто приговорил их к смерти?

К концу суток и в лазаретном отсеке уровень радиации повысился с двух рентген в час до десяти. Чтобы снять нервное напряжение, а также, чтобы увеличить сопротивляемость организма облучению, разрешил личному составу выпить по сто граммов спирта.

В десять тридцать температура в активной зоне аварийного реактора упала до 200-250 градусов и более-менее стабилизировалась на этом уровне. Но радиация нарастала по всему кораблю.

О том, как воздействуют сильные дозы облучения на организм, все мы имели довольно общее понятие. И, конечно же, больше всего нас угнетала мысль не столько о самих возможных раковых опухолях, сколько о их не самых приятных последствиях. Ведь средний возраст офицеров на лодке был 26 лет; да и я в свои 35, хоть и считался почти стариком, тоже рефлексировал на сей счет. Но пока что мысль о том, что нет связи и о своей беде мы не можем никому сообщить, заслоняла все остальные тревоги.

Я развернул атомоход курсом строго на юг – к берегам Норвегии – в надежде, что так мы быстрее выйдем на оживленные морские трассы, а там, глядишь, подвернется кто-нибудь из Мурманска. Я готов был высадить своих страдальцев хоть на рыбацкий сейнер. Лишь бы тот шел под красным флагом. Велел врубить аварийный передатчик, и тот посылал сигналы SOS на международной частоте. Но никто не откликнулся. Маломощный – четыреста ватт – аппарат работал в радиусе всего около ста миль.

Идти же напрямик в базу – это более трех суток. Надо ли говорить, что за этот срок К-19 превратилась бы в Летучего голландца со светящимися трупами в отсеках. Разумеется, сознавал это не только я. Едва подлодка повернула на юг, как на мостик ко мне поднялись двое. Не буду называть их фамилии. Но это были мой замполит и мой дублер (командир резервного экипажа). Они настойчиво стали склонять меня к мысли, что идти надо на север – к Ян-Майену, высадить людей на остров, а корабль затопить. Я турнул их с мостика, и теперь к старым тревогам прибавилась новая: что, если там, в отсеках, они подобьют разогретых спиртом матросов, мягко говоря, к насильственным действиям? Я не исключил и такого варианта, хотя верил в своих людей и в итоге ни в ком из них, кроме замполита, не ошибся.

Мать старшины 1 статьи Юрия Ордочкина
на могиле сына в Кузьминках.

«Хоронили в свинцовых гробах под присмотром КГБ, – вспоминает Елена Ивановна Ордочкина. – Гибель моего сына и его товарищей была государственной тайной».

*Курсант штурманского факультета
Ленинградского Высшего
Военно-морского училища им. Фрунзе
Николай Затеев*

Но тогда, на мостике, когда оглядывал океанскую пустыню – хоть бы точка где возникла! – и перебирал в уме невеселые наши варианты: тепловой взрыв, бунт, переоблучение, чего греха таить, возникла однажды мысль спуститься в каюту, достать пистолет и покончить со всеми проблемами разом.

Не буду говорить, что я испытал, когда сигнальщик доложил, что видит цель и цель эта – наша дизельная подводная лодка, одна из тех,

что обозначала «красную» сторону в несостоявшейся игре. Вскоре подошла и вторая. Обе услышали наш SOS и покинули завесу на Фареро-Исландском рубеже без приказа. Командиры этих «эсок» Гриша Вассер и Жан Свербилов пришли сюда на свой страх и риск. Первым делом попытались передать на «дизелюхи» пострадавших моряков. Бились два часа. Погода ясная, но крупная океанская зыбь рвала швартовы. К четырнадцати часам на одну из лодок нам удалось пересадить всех переоблученных, а также тех, чье присутствие на борту К-19 не было необходимым для обеспечения живучести корабля и его хода. Но самое важное – через лодочные передатчики удалось связаться с Москвой. Первый вопрос: как спасти погибающих? Лица у них стали красными и раздутыми, точно их запекли в духовке. Томительно жду ответа из главного штаба. Бегут часы... Наконец долгожданное радио, расшифровываю: «Давайте им побольше свежих фруктов и натуральных соков».

Матюгнулся: где я посреди Арктики возьму свежие фрукты?! Думаю, что московские специалисты дали подобную рекомендацию, явно находясь в шоковом состоянии.

15-00. Еще один удар по нервам: наша самодельная система охлаждения дала течь. Выйдет весь бидистиллят (дистиллированная вода двойной перегонки), и температура активной зоны снова начнет повышаться – значит, снова угроза взрыва... Кого посылать в реакторный на сей раз?

Вызвались идти командир электротехнического дивизиона капитан-лейтенант Погорелов, старшина команды трюмных Иван Кулаков и старшина-ракетчик Леонид Березов. Довольно быстро они заварили место протечки. К вечеру на дизельные лодки мы пересадили еще двадцать человек. На К-19 остались шестеро: я, заместитель по политчасти, шифровальщик, сигнальщик, два электрика.

Подводную лодку с пострадавшими отправляю в Полярный. Под утро перебираемся все на «эску» Жана Свербилова. Жду указаний из Москвы. А пока первый советский атомный ракетноносец беспомощно покачивается на зыби. Черный остров невидимой смерти. Мы не имеем права покидать его, бросать на произвол судьбы. Тем более рядом с американской военно-морской базой. Был 1961 год – разгар холодной войны. Беру у Жана Свербилова вахтенный журнал и делаю в нем запись: «Командиру ПЛ «С №...». Прошу циркулировать в районе дрейфа К-19. Торпедный аппарат №4 (заряженный боевой торпедой) прошу подготовить к залпу. В случае подхода к АПЛ К-19 военно-морских сил вероятного противника торпедировать К-19 буду сам. Командир АПЛ – капитан 2 ранга Затеев. Астрономическое время. Дата».

К счастью, торпедировать родной корабль не пришлось. В район дрейфа прибыли наш крейсер и вспомогательное судно.

Что было дальше? Был тяжелый, штормовой переход домой. Пересадка на по-

дошедший эсминец... Процедура дезактивации. Попросту говоря, усиленное мытье в корабельной бане.

...Много лет назад – еще в 1943 году – когда я уезжал из родного Горького поступать в военно-морское училище, мама положила мне в чемодан на счастье иконку Николы Морского. Я хранил ее как талисман в память о матери и всегда брал иконку с собой в море. Была она со мной и на К-19, тщательно спрятанная от стороннего глаза. Когда мы перешли на борт С-159, я положил иконку в верхний карман рубы и обронил во втором отсеке. Спихватился лишь на эсминце «Бывалый» перед дезактивацией. Увы, не нашел. Николу Морского обнаружил политработник с «эски». Что было! Начался массированный поиск владельца запретного талисмана и на С-159, и среди членов экипажа К-19. Сколько неумной энергии было на это затрачено! Знали бы сверхбдительные политработники, кому принадлежала эта иконка! Так или иначе, но я считаю, что без небесного покровителя моряков в нашей общей судьбе дело не обошлось».

А потом госпиталь на берегу. Отправка тяжелобольных в Институт биофизики. И нелепое падение одного из вертолетов с больными подводниками на борту. На глазах у всего госпиталя, всех провожающих. Порывом штормового шквала машину швырнуло на стадион. Правда, обошлось без жертв. Судьба уготовила подводникам иное испытание: больные погибли от радиоактивного облучения.

Из рассказа Н. Затева:

«На другой день после фанфаронского заявления врачей и политработников о пустячности наших болезней из Москвы пришло сообщение, что 10 июля скончались в один день лейтенант Корчилов, старшина 1 статьи Ордочкин и старшина 2 статьи Кашенков. Кто следующий? Следующим умер матрос Савкин – всего через два дня. Тринадцатого не стало матроса Харитонов. Пятнадцатого отлучился матрос Пеньков. Тогда мы поняли, что обречены все, кто схватил дозу. Дело только во времени – неделей позже, неделей раньше...»

С того самого всплытия в Датском проливе – с 4 июля - я ни разу не смог уснуть. Что только не делал, чтобы отключиться, но бессонница стала постоянным моим спутником. Немало нервных клеток унесло многосуточное расследование действий командира и других должностных лиц. С протоколами, показаниями, объяснения-

*1. Выгрузка торпед с К-19 после ядерной аварии.
1961 г.*

*2. Капитан 2 ранга Михаил Красичков в госпитале.
Единственный, кто уцелел из работавших в аварийном
отсеке. Его организм оказался сильнее лучевой болезни.
Ленинград. 1961 г.*

Слева направо: создатели атомных подводных лодок академики Анатолий Александров, Сергей Ковалев и командир АПЛ К-19 Николай Затеев

ми, вызовами по ночам... Я уже приготовился надеть «полосатую пижаму» эдак лет на пятнадцать. Все к тому шло. Как-то на перекуре спросил старшего лейтенанта Мишу Красичкова: «Ну, что, Михаил, не придется ли нам больничную робу сменить на тюремную?» А что он мог мне ответить? Не знаю, прав я или нет, но о ходоках на мостик, об их предательском поведении докладывать никому не стал. И так, на нас всех собак повесили.

Между тем полярники решили отправить нас в Ленинград в Военно-медицинскую академию. Перед отправкой ко мне в палату заглянул начальник политического управления ВМФ адмирал В. Гришанов. От имени партии, правительства и командования ВМФ он поблагодарил меня за стойкость и мужество во время аварии, пожелал скорейшего выздоровления и ...исчез.

Ошеломленный его визитом я не сразу понял, что расследование закончилось и отношение ко мне и моему экипажу изменилось. Спас нас академик Александров. Когда он прибыл в Полярный, где стояла К-19, и с борта эсминца замерил радиоактивное поле, он поразился тому, что мы жили и действовали в нем несколько суток... Доложил Хрущеву, мол, так и так: экипаж совершил подвиг – спас стратегический ядерный подводный крейсер».

* * *

Однако смерть, поселившаяся в отсеках К-19, искала новые жертвы. Искала и находила. Все имущество с атомарины, «грязное» в лучевом отношении, перегрузили на специальную баржу, которую потом поставили на прикол в одну из необитаемых бухт Кольского полуострова.

Неподалеку работали военные строители. Солдатский паек в стройбате не самый сытный, а тут прознали, что старая баржа доверху нагружена всевозможными деликатесами: копченая колбаса, сыр, шоколад, консервы, галеты, вобла, печенье... Ну и устроили бойцы «праздник живота». Ведь никаких табличек, предупреждающих о радиоактивной опасности продуктов, да и самой баржи, вывешено не было. Соблюдали «режим секретности». Точь-в-точь как берегли эту пресловутую секретность в Киеве после чернобыльского взрыва, когда ничего не подозревающих горожан зазвали на первомайскую демонстрацию. Кто знает, что стало с теми стройбатовцами, отведавшими радиоактивных яств с проклятой баржи?..

В далеком полярном гарнизоне одна из улиц носит имя Бориса Корчилова. Между прочим, командир представлял лейтенанта к званию Героя Советского Союза. Начальство в Москве распорядилось иначе: «Аварийный случай... Обойдется орденом». Да ему-то что... Он давно уже обошелся... Не ради звезды, не ради ордена полез в радиационное пекло.

* * *

В дождливый летний день приехали мы с Николаем Владимировичем Затеевым на окраину Москвы — в Кузьминки, вошли в кладбищенские ворота. По дороге Затеев рассказывал: «Наших переоблученных моряков Институт биофизики схоронил в свинцовых гробах, тайно, не сказав о месте захоронения даже родственникам. Обнаружил «совсекретное» захоронение один из членов нашего экипажа. Случайно. Привез хоронить мужа сестры и вдруг увидел вот эти могилки».

Затеев показал на грубо сваренные железные пирамидки. Знакомые имена тех, кто в реакторном и смежном с ним отсеках, жертвуя собой, не дрогнул и выполнил свой долг до конца: старшина 1-й статьи Юрий Ордочкин, старшина 2-й статьи Евгений Кашенков, матрос Семен Пеньков... Молодые матросские лица на керамических овалах. А рядом — роскошный мраморный монумент их ровеснику — цыганскому парню, погибшему в пьяной драке. Цыгане умеют чтить память своих удалцов. Пощипать бы у них политработникам в генеральских погонах...

– А где Корчилов? Повстев?..

– Бориса и Юру Повстеева перезахоронили в Питере — на Красненьком кладбище. Главстаршина Рыжиков лежит на Зеленоградском кладбище под Питером...

Из Кузьминок мы отправились на станцию Сходня. Сколько раз проезжал на электричке мимо этого домика с палисадником и подумать не мог, что именно здесь собираются на свои поминальные «атомные вечера» подводники с К-19. Соби-

*Те, кто выжил и выстоял. Живые помнят павших.
Члены экипажа К-19 на озере Сенеж. 2005 г.*

*Ветераны К-19 в Новоспасском монастыре.
Кто в море не ходил, тот Богу не молился...*

раются каждый год в день аварии под хлебосольным кровом бывшего старшины 1 статьи, а затем доктора сельскохозяйственных наук, специалиста по лекарственным травам Виктора Стрельца... Много лет назад уволенный в запас старшина бросил клич сослуживцам: «Помогите, ребята, дом построить!» С тех пор и собираются по раз и навсегда отлаженному обычаю: сначала Кузьминки и поклон погибшим товарищам, потом Сходня... К возвращению с кладбища жена Стрельца натопит баньку, после баньки — стол с домашней снедью и своим же вином. А за столом тем, как в баньке, все равны — и бывшие матросы, и офицеры... Только Затеев для них навсегда — «товарищ командир»...

Я смотрю на этих людей куда как пожилых, живалых и бывалых, и думаю: а ведь по великому чуду собираются они здесь вместе. Вот уж тридцать лет, как их могло не быть на этом свете — раздетых ядерным взрывом по молекулам. Чудо, которое спасло их, зовется подвигом души и сердца, когда человек кладет свою жизнь за други своя.

Специальной правительственной комиссией действия экипажа по ликвидации аварийной ситуации на корабле были признаны правильными. Несколько позже, в октябре 1961 года, на ответственном совещании, где решался вопрос о продолжении строительства атомного подводного флота, еще раз были отмечены умелые действия моряков, было сказано, что жертвы, принесенные экипажем, не напрасны. Урок пошел отчасти впрок. На всех действующих и проектируемых реакторах подобного типа были установлены штатные системы аварийной водяной проливки.

Многие матросы, старшины и офицеры за мужество и героизм были награждены орденами и медалями, экипаж отмечен ценными именными подарками министра обороны. При вручении орденов и медалей бывший в то время командиром Ленинградской военно-морской базы адмирал И. Байков «успокоил» еще не отошедших от потрясения моряков: «Ну что вы там героями себя считаете? С трамваем у нас в Ленинграде тоже аварии случаются».

Тогда, на заре ядерной энергетики, никто еще не знал до конца, к каким последствиям для всего живого, для всей нашей матери-Земли может привести взрыв

*Панихида (в 40-летнюю годовщину аварии) по «морским воинам», погибшим на К-19.
Морской собор Санкт-Петербурга. 2001 г.*

реактора. Об этом люди узнали после Чернобыля. А до него оставалось двадцать пять лет. После аварии на атомоходе на всех реакторах, в том числе и на чернобыльских, были смонтированы необходимые устройства для охлаждения активной зоны в случае экстремальных ситуаций. Почему это устройство оказалось выключенным на реакторе ЧАЭС — загадка. Когда там случилась авария, один из смены бросился включать систему, но было уже поздно. Так что уроки уроками, а люди людьми...

«Уважаемая редакция! Я тот самый Кулаков Иван, главный старшина, которого вы назвали в числе получивших дозу облучения. После аварии лечился в Военно-медицинской академии в Ленинграде. Был признан комиссией негодным к военной службе со снятием с воинского учета. Определили вторую группу инвалидности. Назначили пенсию в размере 28 рублей плюс 4 рубля за старшинское звание. Итого 32 рубля. На работу устроиться было невозможно и по состоянию здоровья, и по диагнозу. Слова «лучевая болезнь» нигде, правда, не писали, они были «секретными».

Некоторое время жил на иждивении брата. Потом написал письмо на флот, в политотдел своей части. Там посоветовались с медициной и решили: если я изъявлю желание, меня переосвидетельствуют и призовут на сверхсрочную службу. Я дал согласие. Прослужил за Полярным кругом до августа 1980 года, уволился в запас по выслуге. Теперь на пенсии, размер ее 150 рублей. Живу в Минске».

А в конце приписка для командира: «Дорогой Николай Владимирович! Огромное вам спасибо и низкий поклон за ваши умные и решительные действия в экстремальных условиях, спасшие жизнь не одному десятку вверенного вам личного состава».

Он помнил всех, кто выходил с ним в тот роковой поход... Всем миром собрали и деньги на мемориальную бронзу. Отлили доску с именами всех погибших на К-19. Сей памятный знак укрепили и освятили в верхнем храме Никольского собора, что в Питере, на берегу Крюкова канала. И блестяли капельки святой воды в рельефных литерках матросских имен. И капал воск поминальных свечей на носки офицерских ботинок. И суетились репортеры, снимая непривычное тогда еще зрелище: военных моряков в толпе прихожан. Да, многие из них впервые стояли в церкви, постигая древнюю моряцкую истину: «Кто в море не ходил, тот Богу не молился». Они ходили в море. И в какое море! Они молились Богу. И как молились...

ПЛАМЯ В ОТСЕКАХ

В таких случаях говорят: ничто не предвещало беды. Утро 24 февраля 1972 года началось на К-19 как утро обычного ходового дня. Возвращались домой из Атлантики на Север. Курс норд. Слева по борту – Америка, справа – Бискайский залив, в двухстах метрах над головой – волны зимнего шторма, под килем – трехкилометровые глубины с острыми пиками подводных хребтов.

Возвращались домой с боевой службы, с ракетной позиции, в Северной Атлантике. Известно, что большая часть аварий случается именно при возвращении в базу. Это самый каверзный период любого похода, когда самое трудное позади, когда через неделю-другую – родной берег, дом, семейные или холостяцкие радости...

10-30. До пожара еще пять минут... На вахте стояла третья боевая смена. Первая – отсыпалась, вторая – готовилась к обеду. В эти последние минуты что бы ни делал каждый, любой пустяк лодочной жизни обретал смысл либо роковой случайности, либо счастливого шанса. Всем им, разбросанным по десяти отсекам, уже выносились кем-то всемогущим приговоры – кому жить, кому стореть, кому задохнуться, кому умереть в долгих муках. Как будто на атомном ракетносце незримо работала некая выездная сессия Страшного Суда.

В Девятом, предпоследнем к корме, отсеке помимо всего прочего – камбуз. В то утро кок жарил оладьи, и на соблазнительный запах вылез из отсека трюма вахтенный матрос Кабак. Пока шли сложные переговоры с коком, Кабак предлагал себя в качестве дегустатора готовой продукции, в трюме, наконец, прорвало злополучную микротрещину, и трубопровод лопнул. Масло, вырвавшееся из свища под давлением, попало на фильтр очистки воздуха в отсеке, в котором рабочая температура была выше 120°. Вот тут и запылало пламя, повалил дым. Его еще можно было потушить, накинув одеяло, заметь Кабак сразу же, в первую минуту, этот выброс... Но, должно быть, дым подгоревших оладий помешал сразу уловить запах гари. А когда Кабак уловил и стал докладывать вахтенному офицеру, тот хладнокровно посоветовал разбудить старшину отсека Васильева и выяснить, что и откуда дымит. Кабак растолкал главстаршину, который досматривал последний сон в своей жизни, и уж Васильев-то, сиганув в трюм, и принял на себя огнемётный форс пламенной струи. За эти считанные минуты, которые прошли от доклада Кабака в ЦП и до прыжка Васильева в трюм, огнем выплавил фторопластовые прокладки в трубопроводах воздуха высокого давления, и пламя, раздутое струей в двести атмосфер, загудело яростным ураганом...

САМЫЕ ТЯЖЕЛЫЕ АВАРИИ НА АТОМНОЙ ПОДВОДНОЙ ЛОДКЕ К-19

03.07.1961 – Во время учений «Полярный круг», когда АПЛ следовала в Северную Атлантику для производства учебных стрельб. В районе норвежского острова Ян-Майен сработала аварийная защита реактора левого борта. Причиной аварии послужило резкое падение давления воды в системе охлаждения реактора. В процессе аварийных работ по созданию резервной системы охлаждения реактора 8 членов экипажа получили дозы радиоактивного облучения, ставшие смертельными. Они погибли от лучевой болезни, прожив после аварии от одной до трех недель. Еще 42 человека получили значительные дозы радиации.

15.11.1969 – Во время отработки учебных задач в Баренцевом море (на траверзе мыса Териберский), на глубине 60 м столкнулась с американской АПЛ Gato (SSN-615). После аварийного всплытия своим ходом вернулась в базу.

24.02.1972 – При возвращении в базу с боевого патрулирования в Северной Атлантике произошел объемный пожар в девятом отсеке. В 10-м отсеке отрезанными оказались 12 человек. Освободить их удалось только на базе через 23 дня после пожара.

Командир сменного 345-го экипажа атомной ракетной подводной лодки К-19
капитан 1-го ранга Виктор Павлович Кулибаба

Вот как выглядели эти отплавшие события глазами командира Первого отсека, старшего минера К-19 капитан-лейтенанта Валентина Заварина: «Пожар страшен. Но страшней бездействие при пожаре. Там, далеко за стальными переборками, – огонь, от которого отступить некуда. Быстро спустились в трюм старшина отсека мичман Межевич, трюмный и я – командир Первого отсека. Спустились для перезарядки носовой системы пожаротушения. Я смотрел на манометр. А давление все падало и падало. Кто-то расходовал ВПЛ – пенную жидкость системы пожаротушения... Потом, спустя много времени, когда подводную лодку на буксире провели в Североморск, мы узнали, что старшина Девятого отсека Васильев принял огонь на себя. Он успел

размотать шланг пожаротушения и направить струю в огонь пожара. Его нашли в трюме – там, где сноп огня из трубопровода гидравлики прожег трубопровод воздуха высокого давления.

Ни командир АПЛ капитан 2 ранга Кулибаба, ни инженер-механик Миняев, никто из тех, кто находился в Центральном посту, еще не представлял толком, что именно случилось в Девятом. На пультах Центрального не было приборов, которые бы показывали, во сколько крат подскочили температура и давление в аварийном отсеке. Все надеялись, что беду удалось отсрочить, наглухо задраив стальные переборки, что пожар затихнет сам собой».

Восьмой отсек.

Командир отсека, он же и командир электротехнического дивизиона, – инженер-капитан-лейтенант Лев Цыганков. Как и многие в момент аварии, он отдыхал в своей каюте. С первыми же звонками аварийной тревоги был на ногах. Выбираясь из тесной двери, слышал, как резко лязгнула переборочная дверь, и в клубах дыма, отчаянно матерясь, перескочили в отсек несколько человек. Это были матросы из Девятого, которые успели спастись прежде, чем все отсеки на К-19 наглухо замкнут свои двери.

Еще не отзвучали пронзительные, рвущие душу трели, как барабанные перепонки больно хрустнули от скачка давления. Это напор горячих газов прорвался из надутого баллонами ВВД Девятого отсека. В Восьмой ударили черные струи дыма и угарного газа. Цыганков сразу понял, что в Восьмом долго не продержаться.

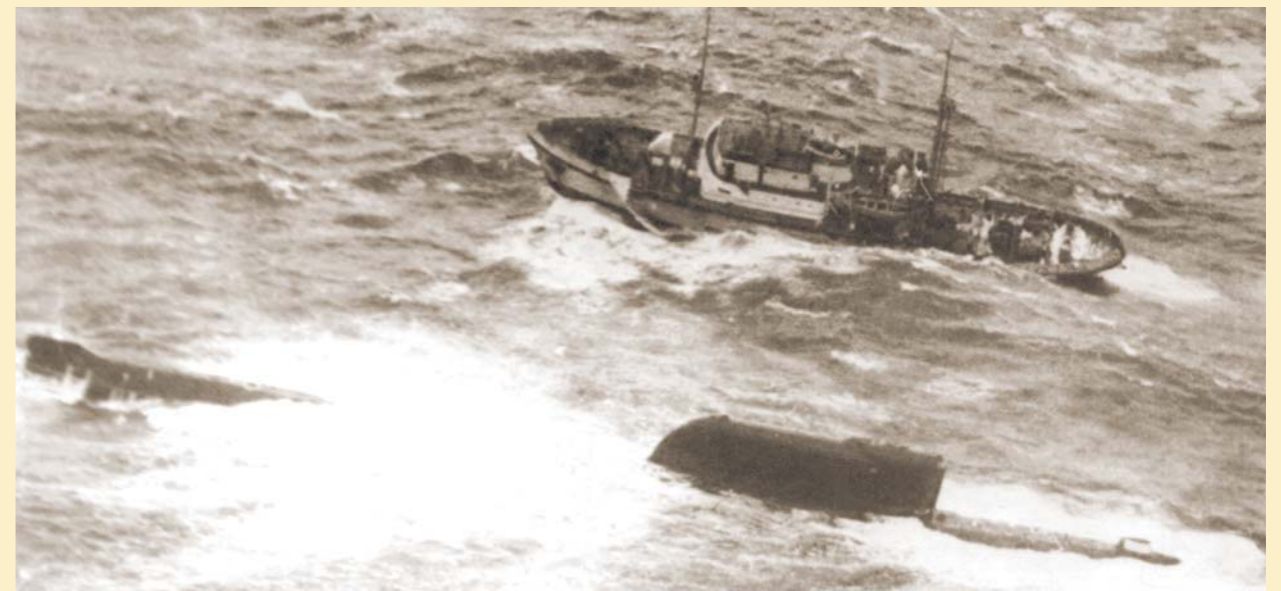
– Центральный, – крикнул он в микрофон межотсечной связи. – Прошу разрешения убрать лишних людей из отсека.

– Добро! – крикнули ему из Центрального.

Офицер велел немедленно перебираться в Седьмой погорельцам из Девятого. Вслед за ними перескочили и лейтенанты-управленцы Сальников и Лешнев. Они тоже не нужны были Цыганкову в борьбе с прорвавшимися газами. Он оставил с собой лишь старшину Восьмого отсека мичмана Николаенко да несколько электриков, без которых невозможно было обеспечить всплытие...

Много позже Заварин писал о нем:

«О чем думал Цыганков в те несколько минут, которые судьба отвела ему на самое главное в жизни? О своей маленькой дочери Вике? Подумать о себе времени не было, потому что в той обстановке от его действий зависит судьба корабля, жизнь экипажа. Они обязаны обеспечить работу главных механизмов, иначе пучина океана навсегда может поглотить корабль.

24.02.1972 г. Авария на атомной ракетной подводной лодке проекта 658 «К-19». Рядом спасательный буксир «СБ-38». Северный флот.

Сквозь дым едва различимы шкалы приборов, горло раздирает кашель... Надо надевать дыхательную маску... Цыганков переключает сам работу агрегатов от аварийных источников питания, вырубает второстепенные потребители. Кружится голова. Израсходованы все средства пожаротушения. Он один на пульте управления. Оборвалась связь. Погас свет».

Смерть рвалась из отсека в отсек, пронзая броню задраенных переборок. Собрав обильную жатву в Девятом, пополнив ее в Восьмом жизнями Цыганкова, Николаенко и нескольких электриков, она, шипя угарным газом, просачивалась в Седьмой – турбинный – отсек. Старшим здесь был инженер-лейтенант Вячеслав Хрычиков, родом из города Людиново Калужской области.

По свидетельству Заварина все было так:

«В Седьмом не сразу поняли, что в отсек проник невидимый убийца – угарный газ. Они не сразу бросились к дыхательным аппаратам. Надеялись, глядя на глубометр: стрелка его отсчитывала последние десятки метров, которые оставались до поверхности океана. Еще несколько минут и – в отсеки ворвется свежий воздух.

У маневрового штурвала, регулирующего обороты турбин, стоял старшина 1 статьи Казимир Марач. Он успел натянуть маску изолирующего противогаса (ИП-46), но... пал жертвой собственной добросовестности. У него запотели стекла маски, и он не мог разглядеть показания тахометра (счетчика оборотов). Парень сорвал шлем-маску, протер стекла. За это время, может, всего-то два раза дынул. А этого уже было достаточно... На него потом маску натянули, а уже все... сердце не билось...

...Маневровый штурвал у Казимира Марача перехватил Саша Заковинько. Еще держался на ногах старшина отсека Горохов. Он сразу включился в аппарат ИП-46, но как следует раздышать его, очевидно, не смог. Ребята держали обороты турбины сколько могли, сколько позволяло сознание. Погас свет. Заковинько чувствовал, что остался один. Аварийный фонарик уже не пробивал плотную завесу дыма, и едва различались показания приборов. Остановили холодильную машину, и в отсеке начала нестерпимо повышаться температура. Дышать было трудно, пот заливал глаза и стекла маски, слюна мерзко хлюпала под дыхательным клапаном...»

Из Седьмого отсека их вытащили всех. Только слишком поздно. В сознание привели лишь двоих: Сашу Заковинько и Горохова. Но Горохов уже был в тяжелейшем состоянии. Он никого не узнавал. Только курил и ругался. Его потом сняли первым же вертолетом и на эсминце отправили на Большую Землю.

Лейтенанта Хрычикова и старшину Марача похоронили в Атлантическом океане. Это было 8 марта 1972 года.

Авария на атомной подводной лодке «К-19». Рядом спасательный буксир «СБ-38». Снимок сделан с борта вертолета

К-19 медленно всплыла... Каждый метр этого томительного пути из глубины к поверхности океана был оплачен чьей-то жизнью...

Пульт управления реактора – это отсек в отсеке, здесь несут свои вахты офицеры-управленцы. Когда поступил приказ покинуть загазованный Шестой отсек, командир дивизиона инженер-капитан-лейтенант Мило-

ванов велел всем уйти, оставив себе в помощь лишь старшего лейтенанта Сергея Ярчука.

Заварин: «Пульт управления ГЭУ теоретически должен быть герметичен. Но когда в кормовых отсеках поднялось давление, понятие о герметичности оказалось эфемерным. Включались в аппараты. Ярчук начал задыхаться, сорвал маску. Ярчук умирал на глазах своего командира. А командир был занят атомным реактором корабля. За герметичной дверью пульта были задымленные отсеки, умирающий Цыганков, электрики, оставшиеся в аварийном отсеке. Если бы Милованов бросил пульт и попытался вынести Ярчука, трагедия бы приобрела свой апокалиптический ядерный исход».

Миняев: «Ведь не каждый смог бы так – двумя руками – одновременно управлять двумя реакторами в аварийной ситуации. А потом еще по пути привести все в исходное состояние. Я помню, как он с кровавой пеной на губах приполз в Центральный пост».

Тогда еще не знали этого страшного слова – «Чернобыль». Оно возникнет спустя семнадцать лет, когда специалисты злосчастной АЭС не смогут выполнить свой долг так, как выполнили его эти парни с К-19.

...И все-таки они всплыли. Всплыли, как положено всплывать по инструкции: прослушав поверхность океана над головой, дабы не попасть под киль проходящего судна. На все про все ушло 24 минуты.

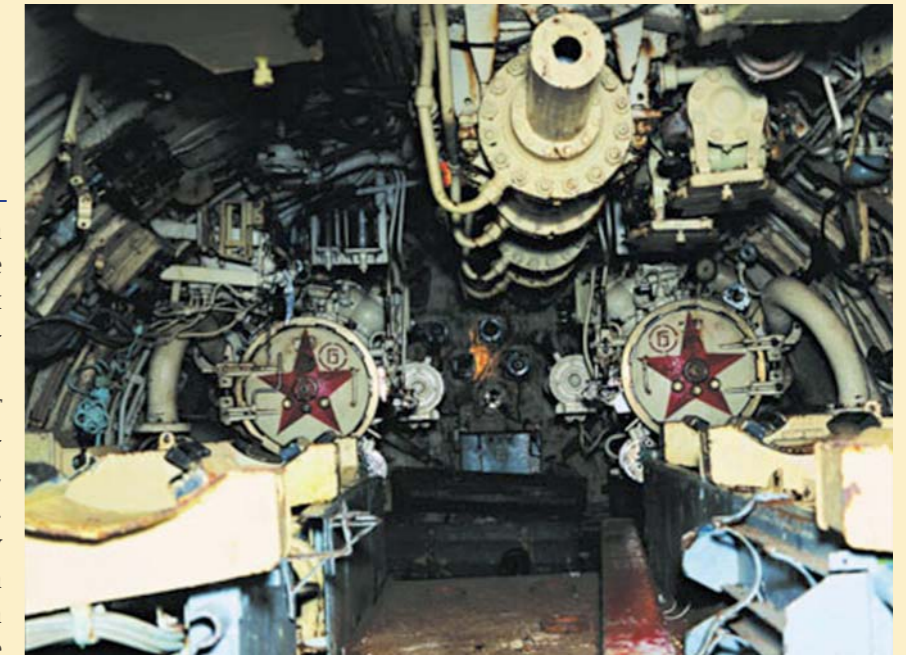
Потом командиру многие, в том числе и инженер-механик, будут пенять на это затяжное всплытие. «Надо было выскакивать по-аварийному, – горячились коллеги Кулибабы. – Меньше было б трупов в отсеках». Во всяком случае Государственная комиссия не поставит в вину командиру то, что он не стал всплывать аварийно.

...Всплыли. И сразу же лодку повалило на борт, потом всех швырнуло на другой – всплыли в шторм. В зимний, по-бискайски жестокий, шторм.

Заварин: «Мы вытаскивали людей из задымленных отсеков в Центральный пост, под трап рубочного люка. Наверху наш офицер Виктор Воробьев с веревкой в руках один поднимал по колодцу вертикального трапа безжизненное тело. Наверное, кроме него, это так быстро и так осторожно сделать бы никто не смог.

Мы снова ушли в кормовые отсеки выносить моряков. Через Пятый отсек людей протаскивали с трудом. Полумертвые люди были податливы, неуклюжи, и тяжелее своего веса. Было страшно жарко, я задыхался в резиновой маске. Потом Володя

Десятый, кормовой отсек подводки К-19, в котором 12 моряков вынуждены были провести взаперти 23 дня

Бекетов – мичман, старшина Четвертого отсека – менял мне аппарат. Он даже умудрился подключить манометр и проверить давление в баллонах.

В какой-то момент я не смог то ли сам перелезть через комингс переборочной двери, то ли кого-то перетащить...

Я лег на палубу на одну минуту передохнуть... Очнулся, когда меня тащили. Маска аппарата давила, и сквозь запотевшие

стекла ничего не было видно. То, что я не терял сознания, я хорошо помню по тому отвращению, какое испытал, оказавшись в какой-то дурно пахнущей луже под рубочным люком. С меня стащили маску, аппарат, пропустили где-то за спиной и под мышками трос и стали поднимать вверх. Из ада я попал на небеса. Я видел дневной свет и дышал морским воздухом! Я слышал, как капитан 1 ранга Нечаев велел то ли найти, то ли привести в чувство доктора Пискунова. Над кем-то он склонился, мимоходом кого-то обругал, искал спирт или велел принести спирт и просил найти доктора... Все мутилось перед моими глазами».

Лейтенанта медслужбы Мишу Пискунова привели в чувство в Центральном с помощью доброй порции нашатырного спирта и чистого кислорода. Потом подняли вверх... Нечаев тряс его за плечи.

– Миша, надо людей спасать! Миша, ты меня слышишь?!

На доктора вылили ведро воды, после чего он начал приходить в себя и отдавать приказание. Вызвал старшину Четвертого отсека Бекетова и объяснил, что надо принести из лазарета. На палубе в ограждении рубки лежало человек двадцать. Пискунов показал, как делать искусственное дыхание рот в рот, как надо переворачивать человека в бессознательном состоянии, чтобы он не задохнулся собственной рвотой... Все было сделано с такой энергией, с такой быстротой и напором, какие ни один из нас не мог себе и представить. Впоследствии Пискунов рассказывал: «Порой я приходил в отчаяние. Но я знал: покажи хоть на секунду свою беспомощность – и тогда вы все станете трижды беспомощными...»

Не досчитались двадцати восьми человек. Из них двое скончались уже наверху. Так и не откачали... Не ясна была и судьба тех двенадцати моряков, что были отрезаны пожаром в самом последнем – кормовом – Десятом отсеке. Сначала с ними поддерживали связь по телефону из Первого. Заварину отвечал из Десятого мичман Борщов. Он сообщил, что все ребята лежат на койках, чтобы как можно меньше двигаться и делать вдохов, что все дышат через мокрые полотенца и простыни. Он жаловался, что раскалывается от боли голова... Потом связь оборвалась.

Неужели к двадцати восьми несчастным надо прибавлять еще двенадцать трупов?

В Десятом отсеке оставались двенадцать человек, отрезанных от экипажа, от всего мира анфиладой задымленных, заваленных безжизненными телами отсеков. Телефонная связь с ними оборвалась на вторые сутки. На пятые – их всех причислили к лику «погибших при исполнении...». А они жили и на пятые, и на десятые, и на двадцатые сутки своего невыносимого испытания – в отравленном воздухе, без еды, в крошечной тьме и сыром холоде железа, в промерзшем зимнем океане; жили в полном неведении о том, что происходит на корабле и что станет с ними в следующую минуту.

Впрочем, тогда их мучил совсем другой вопрос: как? Как спастись из этой камеры-душегубки? Из отростков вентиляционной магистрали хлестал черный от дыма угарный газ. Его гнало из смежного, горящего отсека.

На двенадцать человек – только шесть масок. Спасательных средств в Десятом отсеке было ровно столько, сколько предусматривалось здесь моряков по боевой тревоге. Шестеро были «лишними». Они не успели перебежать на свои посты через горящий Девятый и теперь со смертным ужасом взирали на эти черные ядовитые струи...

Первым бросился к клинкету вентиляции капитан-лейтенант Борис Поляков. Закрутил маховик с такой силой, что сорвал его со штока. Дымные струи иссякли... Смерть первая, самая скорая, самая верная, отступила. Но за ней маячила вторая – не столь торопливая, но неотвратимая: от общего удушья в закупоренном отсеке.

Борис Поляков в свои двадцать шесть был истинным подводником. Что бы ни делали сейчас его руки – перекрывали ли клинкет вентиляции или расклинивали вместе со всеми стеллажные торпеды, которые грозили сорваться со своих мест в эту бешеную качку, – мозг его лихорадочно искал ответы на два жизненно важных вопроса: каким образом можно выбраться из этой ловушки, а если нельзя, то каким способом пустить в нее воздух?

Нечего было и думать открыть люк – он приварился, и не перебежать сквозь доменную печь, в какую превратился девятый, в смежный с ним восьмой отсек... Эх, наладить бы хоть самую хилую вентиляцию... Но как?

Он решал эту техническую головоломку, надышавшись угарной отравы. Борис Поляков: «Когда услышал звонки аварийной тревоги – вскочил, надо бежать в центральный, мое место на пульте... Да не тут-то было. Через девятый уже не перебежать. А спустя две-три минуты к нам пошел угарный газ... Перекрыл...».

...И он решал эту немыслимую инженерную задачу – как добыть воздух? – под грохот ураганного шторма, в меркнувшем свете, в неразвлокшемся еще дыму, вцепившись в трубопроводы, чтобы удержаться на ногах. «Ну придумай же что-нибудь!» – все так же исступленно и немо молили его глаза остальных одиннадцати.

К вечеру – часам к двадцати – дышать уже было нечем. Регенерации, насыщавшей воздух химическим кислородом, в отсеке не было. Голодная кровь стучала в виски, гнала холодный липкий пот... Плафоны уже давно погасли. Аварийные фонари едва тлели, садились аккумуляторы...

Воздуха! Хотя бы глоток...

Глоток он нашел. Спустился в трюм, едва удерживаясь на перекладинах трапа, и стравил из патрубков-«гусаков» дифферентной цистерны скопившийся там воздух. Грязный, масляный, набитый компрессором без каких-либо фильтров, он все же пошел. Под его шипение Полякова и осенило, что если открыть кингстон глубиномера, то возникнет пусть слабый, но все же проток, продых... Догадка подарила им всем жизнь. Поляков вынул из зажимов увесистую трубку корабельного телефона, который пока еще работал. Связь удалось установить с Первым отсеком.

– Валя, – попросил Поляков, – скажи механику, пусть наддувает дифферентные цистерны. А мы откроем кингстон глубиномера.

И воздух пошел! Они вдыхали его, будто пили луговую свежесть.

Призрак смерти от удушья уступил место своей младшей сестре – гибели от жажды. В Десятом не было воды. Ни глотка. Пить хотелось, несмотря на то, что все дрожало от холода. В отсеке стояла «глубокая осень»: воздух остыл до температуры забортной воды +4 градуса.

По самым скромным прикидкам, буксировка в базу, на Север, должна была занять месяца полтора. Только в базе их могли извлечь из западни Десятого. Сорок пять суток без воды? В крошечной темноте, в грязном воздухе, в промозгом холоде. И главное – без воды. И снова все упования устремились к Полякову. Ты – командир, ты добыл воздух, добудь и воду.

И он добыл воду. Добыл, потому что знал эти стальные джунгли, как никто другой. Там, в расходной цистерне, должен был оставаться «мертвый запас» воды, скаплива-

Март 1972 г. Оказание помощи аварийной атомной ракетной подводной лодке «К-19». Снимок сделан со спасательного буксира «СБ-38».

ющейся ниже фланца сливного трубопровода. Что, если разбить водомерное стекло и отсосать через трубку... Это было еще одно гениальное озарение. Теперь, когда была утолена первая жажда, подступил голод. Есть хотелось в холоде мучительно... По счастью обнаружили ключи от «сухой провизионки», открыв которую, обнаружили коробки с макаронами и пачки поваренной соли. Макароны грызли всухую. Соль тоже пригодилась. На третьи-четвертые сутки у многих в холодной сырости заложило дыхание, воспалились глотки... Поляков вспомнил народное средство: ложка соли на кружку воды и полоскать. Помогло!

Борис Поляков:

«На вторые сутки к нам подошел сухогруз «Ангарлес». К этому времени разыгрался шторм: волны перекатывались через надстройку и порой захлестывали нашу высокую рубку. С сухогруза спустили спасательный катер, передали нам трос-проводник. Мы отвалили носовые горизонтальные рули и пытались за них завести буксирный конец. Смыло за борт мичмана Красникова, потом Бекетова. Но, слава Богу, ребят вытащили. Моряки с «Ангарлеса» предпринимали отчаянные попытки помочь нам. Но ведь к лодке и приблизиться было опасно: штормовые волны швыряли нас словно щепку.

Вскоре к нам подошел большой противолодочный корабль «Вице-адмирал Дрозд». В штормовом океане его мачты порой терялись за гребнями волн. На «Дрозде» был вертолет... Но нечего было и думать, чтобы он взлетел в такой шторм. Когда над нами все же появилась винтокрылая машина, мы не поверили своим глазам. Вертолет завис совсем низко, и из кабины быстро спустили трос с грузом. Мы отстегивали карабины и принимали аппараты, продукты, бидон с горячим кофе, теплую одежду, аварийные фонари – все, что нам так было нужно для работ по обеспечению живучести лодки. Смысл всех усилий спасателей сводился к тому,

Атомная подводная лодка К-19
возвращается из похода

Памятная медаль в честь первого советского
атомного подводного ракетносца К-19.
Отчеканена в 2003 г.

чтобы подать на лодку силовой кабель. Своей энергетикой на К-19 не было. Реактор заглушен. И только 8 марта ценой невероятных усилий удалось дать питание на распределителю № 1, с которого и попытались провентилировать погорелый отсек. Но неудачно. Притихший пожар в нем снова разбушевался...

Возобновившийся пожар стих сам собой. Но ушло еще десять суток на то, чтобы повторить попытку провентилировать отсеки. И только 18 марта, когда океан застыл в штиле и удалось, наконец, перекинуть на лодку электрокабель, мы услышали гул вентиляции, а потом — долгожданный стук из девятого. По азбуке перестукивания нас предупредили, чтобы мы выходили с закрытыми глазами. Иначе могли ослепнуть от непривычно яркого света. Потом взломали замком нашего люка...

Эти шаги дались мне как десятикилометровый марафон. Свалился с одышкой... Потерял в весе двадцать восемь килограммов. Остальные тоже превратились в доходяг. Обросли бородами. Бороды в углекислой среде растут очень быстро. И ногти тоже как у обезьян... Самое противное, что у всех нас сразу же подскочила температура до 41 – 42 градусов. Это из-за перенасыщения организма углекислотой. У двоих — мичмана Мостового и одного матроса — скрючило конечности. Врачи говорили, что это от психической травмы...

Борис Поляков и его товарищи установили невольный рекорд выживаемости человека, рекорд силы духа. Они не готовились к нему специально... Испытание застало их врасплох. Они перенесли все виды голода, каким подвержен живой организм, — световой, кислородный, белковый, эмоциональный... Они не были подопытными кроликами. Они боролись. И установили рекорд, о котором не помышляли. О нем не писали в газетах. О нем было велено молчать.

Молчание длилось двадцать лет. Для большинства из двенадцати человек это был срок, прожитый ими до рокового звонка аварийной тревоги.

СТРЕЛЕЦ С «ХИРОСИМЫ»

И еще одна весьма знаковая судьба. Судьба командира отделения электриков старшины 1 статьи Виктора Стрельца.

Его боевой пост находился во втором отсеке, в заведование же входили три группы аккумуляторной батареи — 112 эбонитовых баков, наполненных серной кислотой. За каждым из них полагался особый надзор и уход. Трудная, хлопотная и по-своему опасная работа. Виктору не пришлось работать в аварийном отсеке, но и он хватанул свою дозу. Тогда никто не знал точную дозу — секретные данные.

После аварии, после возвращения к родному берегу, командование решило оставить уникальную подводную лодку в строю и объявило о проведении полной дезактивации всех отсеков. Работали все — и солдаты, и матросы, и даже курсанты... Кто и сколько получил этой радиации, никто не знает. В документы всем вписали «вегето-сосудистую дистонию» или «астения сосудистый синдром».

— Меня списали по этой самой «дистонии» в 1962-м, через год после аварии, — вспоминает Виктор Дмитриевич Стрелец. — Всех остальных либо уволили в запас, либо распределили в другие экипажи...

На Севере прочитал в газете о приеме в сельхозакадемию имени Тимирязева. Поступил с первого захода на плодово-овощной факультет. Диплом. Потом — кандидатская диссертация, потом — докторская — по выведению новых сортов шиповника.

Один из сортов назвал в честь Сергея Миронова, руководителя партии «Справедливая Россия». Всего вывел 18 новых сортов. Наверное, он не случайно выбрал себе кафедру лекарственных растений. Хотелось чем-то помочь своим сотоварищам, хватанувшим радиоактивного лиха. Шиповник в этом отношении бесценное средство.

Виктор Дмитриевич Стрелец на «борту» мемориальной К-19: «Этот буй входил в мое заведывание». Деревня Никулино. 2019 г.

Щедрый урожай собрал профессор Виктор Стрелец на участке многолетних лекарственных ароматических и витаминных растений. РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева, 27.09.2018

Кроме научных работ Стрелец написал еще и стихотворную книгу «Полярный круг». С чисто флотским юмором он рассказал в ней о своих друзьях по экипажу, по родному второму отсеку. Но есть в книге и трагические строки, написанные на мотив бессмертного «Варяга»:

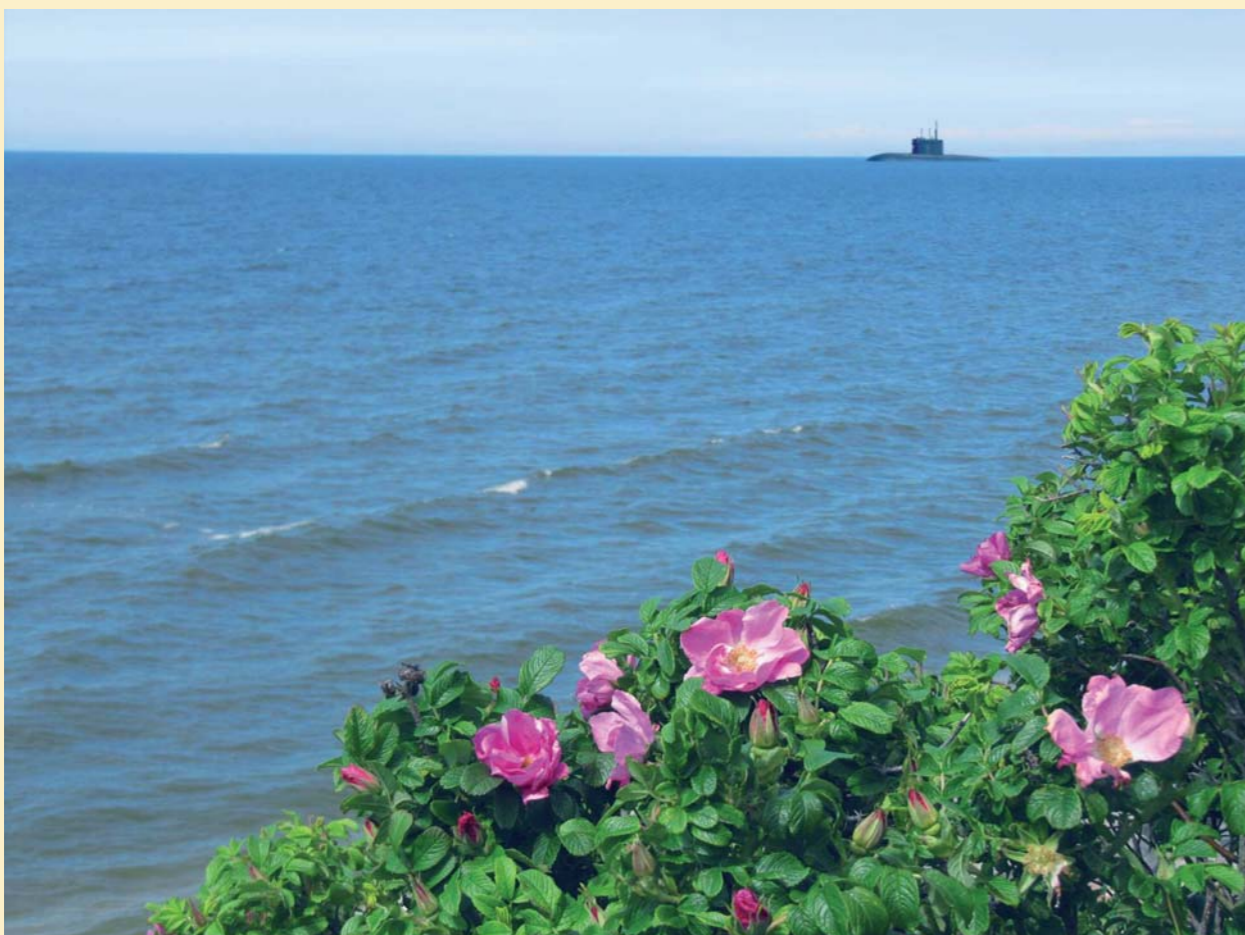
*На атомной лодке реактор в беде –
Мгновенья остались до взрыва.
Шагнула команда навстречу судьбе
В едином и братском порыве...
Все стержни в реакторе раскалены
И вышли насосы из строя,
Умолк передатчик, утрачена связь.
На битву выходят герои...*

Сегодня, когда экипаж «Хиросимы» резко поредел, именно он, Виктор Стрелец, известный

ученый, академик, возглавляет группу ветеранов корабля, и каждый год – в день аварии – собирает бывших сослуживцев у памятника на кладбище в Кузьминках...

Как-то на поминках Виктор Дмитриевич сказал очень точные слова:

«К-19 это корабль-великомученик – такого на советском флоте, вобравшего в себя столько героического трагизма, не было... Мы осваивали, испытывали новый корабль, а новый корабль испытывал нас – на выносливость, на мужество, на стойкость, на героизм. Горжусь, что мы прошли через это подводное ядерное горнило».

ПОСЛЕДНЯЯ ГАВАНЬ ДЛЯ К-19...

Да есть ли у нас более многострадальный корабль, чем атомная подводная лодка К-19?! Были трагедии линкора «Новороссийск» и подводного ракетноносца «Курск». Но вот 4 июля 1961 года в реакторном отсеке К-19 случилась ядерная авария, которая унесла жизни восьмерых человек. Они спасли свой корабль, спасли его, но погибли от переоблучения.

В 1969 году К-19 столкнулась под водой с американской атомариной «Гэтоу», но обошлось без жертв.

24 февраля 1972 года в 9-м отсеке К-19 вспыхнул пожар, унесший жизни 28 человек. Так за К-19 закрепилось зловещее прозвище – «Хиросима». Она еще долго послужила Северному флоту. О ней писали книги, снимали фильмы – документальные и художественные, а потом как-то враз забыли и про корабль, и про экипаж.

А сам уникальный корабль, «Голгофу» подводного флота, недрогнувшей рукой отправили на резку. Правда, были возгласы, что хорошо бы сохранить первенец отечественного подводного ракетно-ядерного флота, но возгласы улетели в пустоту казенных душ, которым не было ни малейшего дела до исторической памяти нашего флота. Ну, ладно, пусть не весь корабль, но хотя бы рубку. И это показалось чиновникам затратным.

Пока судили-рядили, в дело вмешался бывший кок с К-19 старший матрос Владимир Романов. Он взял да и выкупил на свои деньги всю 28-метровую рубку «Хиросимы» вместе с тремя ракетными шахтами и всеми выдвижными устройствами. Нашел деньги и на перевоз громоздкой реликвии в Подмоскowie, и воздвиг ее у себя на участке – на берегу Пестовского водохранилища. В лобовых иллюминаторах К-19 снова заиграли водяные блики. И люди пошли из окрестных поселков, чтобы поклониться памяти подводников-героев.

Последний приют К-19. В ожидании разделки...

Кок К-19 старший матрос Владимир Романов

Так что старший матрос в отставке Владимир Романов фактически совершил подвиг – спас свой корабль от беспамятства, увековечил память о своих боевых сотоварищах. Низкий поклон ему – до земли.

В отсеках К-19 мне довелось побывать дважды – в 1992 году и в 1994 на съемках документальных фильмов по моим сценариям. Ни как не думал, что побываю и в третий раз – да еще где – под Москвой.

В гости к Владимиру Романову мы приехали втроем – вместе Виктором Дмитриевичем Стрельцом, и легендарным старпомом с подводной лодки С-178 капитаном 1 ранга Сергеем Кубыниным. Долго стояли перед необычным монументом, потрясенные тем, что может сделать всего лишь один человек, если в нем живет действительно морская душа. А потом помянули тех, кто навсегда остался в море.

Москва-Полярный

Рубка К-19 на берегу Пестовского водохранилища.

На ограждении рубки начертаны строки Владимира Романова:

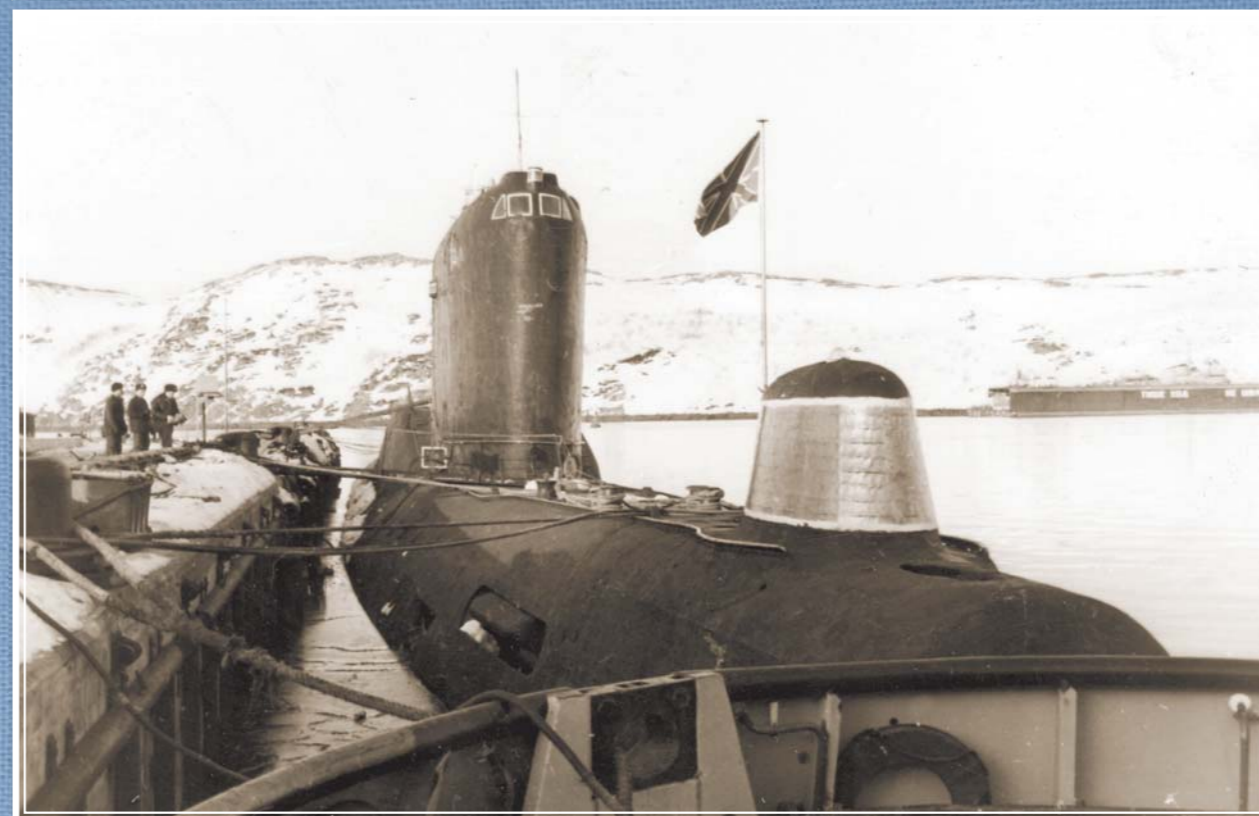
Грызя скалистый берег,

За пирсом пирс, могила за могилой

Мы покорили дикий Север!

ИЗ ФОТОАЛЬБОМА К-19

К-19 у причала в Полярном. Лодка переоборудована в корабль связи. 1998 г.

Николай Затеев (второй слева) в группе слушателей Военно-Морской академии. Дом отдыха в Зеленогорске. 1963 г.

Командир ракетной боевой части
атомной подводной лодки К-19
капитан 1 ранга Мухин

Монумент погибшим на К-19 подводникам на
московском кладбище в Кузьминках

Два командира капитаны 1 ранга
Ник. Затеев и Вл. Ваганов в центральном
посту К-19

Ветераны-подводники и кадеты Морского кадетского корпуса у мемориала в Кузьминках

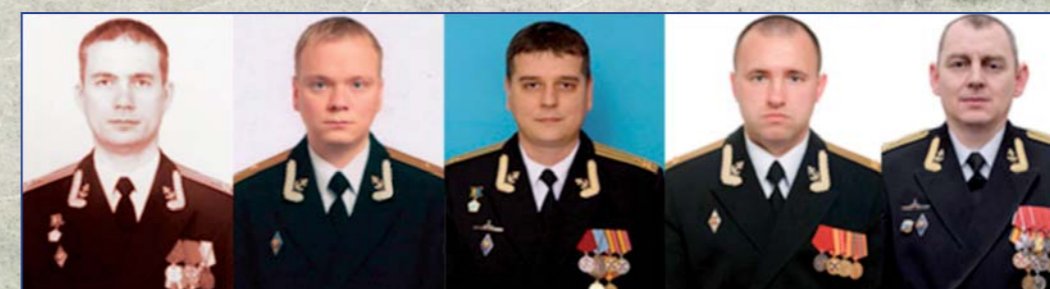
1 июля 2019 года недалеко от Кольского полуострова при глубоководном погружении произошел пожар на атомной глубоководной станции АС-12. Умелыми действиями экипажа пожар был ликвидирован. Однако, спасая свой корабль и находившихся на нем гражданских специалистов, погибли 14 моряков-подводников. Среди них было семь капитанов первого ранга и два Героя России. Это были офицеры - профессионалы высочайшего класса, элита Военно-морского флота России. Вот их имена:

1. Владимир Сухиничев, капитан 3 ранга
2. Николай Филин, Герой России, капитан 1 ранга
3. Денис Долонский, Герой России, капитан 1 ранга
4. Михаил Дубков, капитан-лейтенант

5. Владимир Абанкин, капитан 1 ранга;
6. Александр Авдонин, капитан 2 ранга;
7. Александр Васильев, подполковник медицинской службы;
8. Андрей Воскресенский, капитан 1 ранга;
9. Сергей Данильченко, капитан 2 ранга;

10. Константин Иванов, капитан 1 ранга;
11. Виктор Кузьмин, капитан 3 ранга;
12. Денис Опарин, капитан 1 ранга;
13. Дмитрий Соловьев, капитан 2 ранга;
14. Константин Сомов, капитан 1 ранга;

ВЕЧНАЯ СЛАВА ПОДВИГУ ГЕРОЕВ-ПОДВОДНИКОВ И ВЕЧНАЯ ИМ ПАМЯТЬ!

СЕРИЯ КНИГ “ЧИТАЙ И СМОТРИ”

Книга 1.
Аркадий Зюзин
“Непобежденный”

Книга 2.
“Священномученик
епископ Дмитровский
Серафим
(Звездинский)”

Книга 3.
Аркадий Зюзин
“Первые в созвездии СУ”

Книга 4.
Аркадий Зюзин
“На защите
Отечества”

Книга 5.
Лариса Черкашина
“Александр Пушкин.
Тайны древа”

Книга 6.
Аркадий Зюзин
“Притяжению земному
вопреки”

Книга 7.
Ирина Пятилетова
“Странствия
русского пилигрима.
Святая Земля”

Книга 8.
Ирина Соловей
«Архангельское,
«что в бору»

Книга 9.
Николай Черкашин
“Легендарный
Севастополь”

Книга 10.
Аркадий Зюзин
Николай Черкашин
“Бросая вызов
бездне”

Книга 11.
Ирина Пятилетова
“Анна из рода
Патрикеевых. (Иоанна
Дмитровская).”

Книга 12.
Татьяна Мирошник,
Владимир Мирошник
“Минное поле”

Книга 13.
Николай Черкашин
“Глубины,
дельфины,
Галина...”

Книга 14.
Николай Черкашин
“Брестские врата”

Книга 15.
Аркадий Зюзин
“Четвертая рота”

Книга 16.
Татьяна Беляева
“Ирина и Ярослав.
Путь от любви
к святости”

Книга 17.
Николай Черкашин
“Герои К-19”
Рекомендуем посмотреть!
Документальный фильм
К-19. Неголливудская история (2004 г.)
Режиссер Сергей Холодный
Документальный фильм
Смерть в режиме молчания.
История лодки К-19 «Хиросима» (1996 г.)
Режиссер А. Радов

Читай и смотри интернет-версию: kino-slovo.ru

© Образовательный проект «Берега»

Авторы проекта Ирина Дядченко, Юлия Васечко

Литературный редактор Ирина Пятилетова

Корректор Елена Рыкова

Выражаем благодарность спонсорам за поддержку проекта

Москва - 2019

